

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

и

ПСИХОЛОГИИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ VII.

Книга 1 (31).

Подъ редакціей Л. М. Лопатина и В. П. Преображенскаго.

ЯНВАРЬ 1896 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и №.

Пяменовская улица, собствен. домъ.

1896.

СОДЕРЖАНИЕ.

Отрывки изъ Уганишадъ.—В. В. Джонстонъ	Стр. 1
Автономія человѣка въ прогрессъ и ея стадіи.—Л. Е. Оболенскаго	35
Основанія идеализма.—Кн. С. Н. Трубецкаго	73
Дѣйствительность нравственнаго порядка.—Влад. С. Соловьева	107
Развитіе идей государственной необходимости и общественной правды въ Италіи. Ботеро и Кампанелла.—М. М. Ковалевскаго	131

О темпераментѣ.—А. А. Токарскаго	1
--	---

Критика и библиографія.

I. ОБЗОРЪ КНИГЪ.

Th. Gomperz. Griechische Denker.—В. Саводьяка	20
Platos Republic, edited by R. Jowet and Campbell.—А. Н. Гилярова	23
Walter. Die Geschichte d. Aesthetik im Altertum.—С.	30
John Locke. An Essay concerning human understanding (edited by A. C. Fraser).—А. Н. Гилярова	32
Goldfriedrich. Kants Aesthetik. Kühnemann. Kants und Schillers Begründung d. Aesthetik.—А. Н. Гилярова	33
R. Allier. La philosophie d'Ernest Renan.—А. Н. Гилярова	35
J. Spiegler. Die Unsterblichkeit der Seele.—А. Н. Гилярова	36
W. Wundt. Logik. I Band. II Abth.—Д. Викторова	36

Отрывки из Упанишадъ.

„Глубокія, самобытныя, высокія мысли выступаютъ съ каждой страницы Упанишадъ на встрѣчу намъ... Это самый богатый и самый высокій предметъ изученія въ мірѣ. Онъ былъ мнѣ утѣшеніемъ въ жизни и будетъ мнѣ утѣшеніемъ въ смерти“.

Шопенгауэръ.

I.

Въ двѣнадцати великихъ Упанишадяхъ заключается все, что знали Нарада, первоучитель, и всѣ семь мудрецовъ древности. Этими словами отвѣтитъ всякій ученый индусъ, если вы его спросите, что слѣдуетъ вамъ изучать въ древней санскритской литературѣ. Иначе Упанишады зовутся Веданта, т.-е. корона всякой премудрости, самый конецъ Ведъ.

Традиціи Индіи говорятъ, что Вьяса, собравшій Веды въ одно цѣлое, сопоставилъ также Веды и Упанишадъ, сдѣлавъ послѣднія какъ бы дополненіемъ гервыхъ. Катху Упанишаду, напримѣръ, онъ примкнулъ къ Яджуръ-Ведѣ, Кену — къ Сама-Ведѣ и т. д. Эта великая работа одного изъ величайшихъ полумистическихъ благодѣтелей, которыми такъ гордятся народы Индіи, была выполнена имъ приблизительно въ дни „Великой Войны“ между принцами династій Куру и Панду, такъ какъ и самъ Вьяса есть одно изъ дѣйствующихъ лицъ Махабхараты. А эпоху этой знаменитой войны

слѣдуетъ полагать, по вычислениямъ индусовъ, по крайней мѣрѣ, пять тысячъ лѣтъ тому назадъ.

А сколько вѣковъ или, быть можетъ, тысячелѣтій существовали Ведаы и Упанишады передъ тѣмъ, какъ Вейса собралъ ихъ въ единую космогоническую и философскую систему? На этотъ вопросъ нѣтъ отвѣта, который могъ бы удовлетворить европейскій критеріумъ научной точности. Гаутама-Будда жилъ 2500 лѣтъ тому назадъ, а ему были извѣстны и тѣ и другія, — значить, онѣ старше 2500 лѣтъ. Это — съ одной стороны. А съ другой — вычисления астрономо-астрологическаго характера, слѣланныя индусскими учеными и утверждающія, что не было бы ничего удивительнаго и невозможнаго въ фактъ существованія Упанишадъ ни болѣе ни менѣе, какъ 75000 лѣтъ тому назадъ.

Пусть знатоки древности и комментаторы Упанишадъ разбираются въ этихъ несогласіяхъ. Намъ же точная эпоха Ведъ можетъ интересовать только съ одной стороны — со стороны единства человѣческой мысли и нравственныхъ стремленій какъ въ наши дни, такъ и въ самую отдаленную древность, извѣстную европейской наукѣ.

Дѣло санскритологовъ и ориенталистовъ — дать полный и точный переводъ всѣхъ двѣнадцати Упанишадъ на русскій языкъ. А пока его нѣтъ, мы поставимъ своею скромною задачею изучить нѣсколько ихъ переводовъ на другіе европейскіе языки, а также нѣсколькихъ комментаторовъ, и повѣдать русскимъ читателямъ все, что намъ удалось угадать и увидѣть скрытымъ подъ темною символической Упанишадъ.

Будемъ надѣяться, что послѣ этой кропотливой работы основная ясность и безупречная стройность Упанишадъ откроются намъ хотя бы отчасти. Тогда, быть можетъ, и мы повторимъ за Шопенгауэромъ, что онѣ достойны быть утѣшеніемъ думающему человѣку и въ жизни, и въ смерти.

Въ сущности, идеалы Упанишадъ и вмѣстѣ ихъ конечный смыслъ такъ просты, что ихъ можно выразить въ трехъ санскритскихъ словахъ: „татъ твамъ аси“ — это (все) — ты.

Правда и цѣль человѣческой жизни—въ полной отрѣшенности отъ „самообмана отдѣльности“. Лишь только человѣкъ пойметъ, что одно божественное начало дѣйствуетъ въ немъ и черезъ него такъ же, какъ и во всякомъ другомъ человѣкѣ, лишь только онъ отождествитъ себя съ этимъ божественнымъ началомъ, а черезъ него и со всѣмъ человечествомъ,—задача его будетъ кончена и для него настанетъ полная свобода и сознательное блаженство.

Но этотъ простой смыслъ Упанишадъ становится гораздо сложнѣе, какъ только сложный и запутанный мiръ человеческого разума начинаетъ вникать въ него. Алмазъ одинъ, хотя онъ и соприкасается съ воздухомъ многими искристыми гранями. Много такихъ граней найдется для вдумчиваго и разсуждающаго человѣка въ простыхъ и несложныхъ въ своемъ основаніи Упанишадѣхъ. Три изъ этихъ граней мы разсмотримъ въ нашемъ очеркѣ:

- 1) Нравственные идеалы,—тема Катха-Упанишадъ.
- 2) Понятія о происхожденіи мiра,—тема Прашна-Упанишадъ.
- 3) Психологія, тема Маѣдукья-Упанишадъ.

Но прежде, чѣмъ приступить къ этой трудной задачѣ, мы должны попросить у русскаго читателя не столько извиненія въ недостаткѣ и изъяснахъ нашей работы, сколько помощи и содѣйствія его собственной проникательности и дѣйствительнаго желанія проникнуть въ смыслъ Упанишадъ.

Переводы и компиляціи отвлеченнаго характера вообще дѣло затруднительное, но когда дѣло касается до Упанишадъ, то эта работа посперить въ трудности съ любою другою. Стараясь вникнуть въ смыслъ этихъ странныхъ, темныхъ выраженій, чувствуешь, что въ отдаленныя времена сѣдой древности, когда ученіе Упанишадъ было преподано человечеству на утѣшеніе и руководство для этой жизни и будущей, всѣ эти короткія, точныя до сухости слова были не только словами,—вещественными масками того или другого отвлеченнаго понятія. Они были нѣчто большее. Они

были живыми символами, обладавшими живым даромъ вліять непосредственно, однимъ звукомъ своимъ на духовное бытіе слушателя. Они предназначались вызывать въ слушатель извѣстную нить представлений, извѣстную цѣпь чувствованій, въ которыхъ и заключалось самое лучшее, самое дѣйствительное объясненіе недоступныхъ одному разуму доктринъ. Каждое слово каждой строки, очевидно, имѣетъ свою исторію и попало туда не по случайному выбору проповѣдника, а потому, что по законамъ древняго, забытаго нами метода мышленія, никакого другого—хотя бы и самаго родственнаго—слова нельзя было употребить.

Какъ смычекъ производитъ разные песочные узоры на металлическомъ кружкѣ, затрогивая ту или другую отвѣтную точку металла, такъ и слово пробуждаетъ цѣлые ряды мыслей и понятій въ умѣ человѣческомъ, затронувъ такую же отвѣтную, хотя и не вещественную точку. Этой теоріей, очевидно, руководились составители Упанишадъ, и именно поэтому перевести ихъ такъ трудно.

Русскій переводъ затруднителенъ тѣмъ болѣе, что, будучи языкомъ молодымъ, все еще продолжающимъ накапливать матеріалъ, и далеко еще не вылившимся въ конечныя формы, русскій языкъ просто-на-просто не имѣетъ необходимыхъ для перевода словъ. Онъ такъ небогатъ выраженіями для отвлеченныхъ понятій, что, даже переводя съ близкаго, сравнительно съ санскритскимъ, нѣмецкаго языка, переводчикъ волей не волей долженъ заниматься словопроизводствомъ и сочинять такія выраженія, какъ „вещь & себя“ или же „міровоззрѣніе“, чтобы передать „das Ding an sich“ и „Weltanschauung“. Затрудненія этого рода становятся еще ощутительнѣе, когда дѣло идетъ о переводѣ съ санскритскаго языка, съ полнотой, законченностью, красотой и богатствомъ котораго не можетъ спорить ни одинъ древній или новый европейскій языкъ.

Для примѣра достаточно будетъ упомянуть санскритское слово *atman*. Максъ Мюллеръ и другіе англійскіе переводчики для передачи „атмана“ употребляютъ слово „self“—по русски

одинаково: самъ, само, или сама. Это слово, — такъ сказать, собственной чеканки Упанишадъ, — до нихъ оно никогда не употреблялось въ этомъ новомъ, хотя и не чуждомъ ему смыслѣ. Упанишады подъ „атманомъ“ подразумѣваютъ самую квинтъ-эссенцію безличнаго божественнаго начала въ природѣ и человѣкѣ. Но переведи мы „атманъ“ русскимъ словомъ „самъ“ или „сама“, — и соответственная ассоціація представлений, вызванная въ русскомъ читателѣ, будетъ скорѣе смахивать на героевъ темнаго царства Островскаго, чѣмъ на то, что хотѣли сказать великіе мудрецы, давшіе человечеству Упанишады.

Призываемъ на помощь опредѣленія Шанкара-ачаріи, знаменитаго Деканскаго комментатора Упанишадъ, въ его Таттва-Бодха:

— „Такъ что же такое само?“

— „Это то, неизмѣнная природа чего есть бытіе, сознаніе, блаженство“.

— „Что такое бытіе?“

— „Проходящее черезъ три времени—вотъ бытіе“.

— „Что такое сознаніе?“

— „Самая природа познаванія“.

— „Что такое блаженство?“

— „Самая природа радости“.

Итакъ, да познаетъ человѣкъ, что неизмѣнная природа его Самаго суть бытіе, сознаніе, блаженство“.

Принявъ во вниманіе это опредѣленіе, мы считаемъ за самое подходящее къ пѣли перевести санскритскій „атманъ“ русскою „сутью“ или „сущностью“.

Тѣ же затрудненія выступаютъ навстрѣчу намъ съ каждой страницы Упанишадъ, — но разсуждать о нихъ по силамъ только ученымъ оріенталистамъ, а не скромнымъ компиляторамъ чужихъ трудовъ. Во всѣхъ такихъ затрудненіяхъ мы старательно сравнивали извѣстные намъ переводы Упанишадъ и брали среднее.

Попросивъ еще разъ русскаго читателя употреблять какъ можно болѣе свое собственное чутье и полагаться на него

гораздо больше, чѣмъ на точность нашего перевода съ другихъ переводовъ, приступаемъ къ дѣлу.

II.

Нравственные идеалы Упанишадъ.

Отрывки изъ Катха-Упанишадъ.

Благочестивый Валжашраваса приноситъ великолѣпную жертву богамъ, чтобы умилостивить ихъ. Сынъ его Начикетасъ, „хотя все еще дитя“, глядя на жертвоприношение, вдругъ ощущаетъ сомнѣнiе насчетъ этого рода благочестiя. Отецъ рѣшается не жалѣть ничего и приноситъ въ жертву даже сына. Юноша проникаетъ въ домъ Смерти. Послѣ трехъ дней и ночей отсутствiя, Царь Смерть возвращается домой и, въ награду за долгое ожиданiе, предлагаетъ гостю просить у него исполненiя трехъ желанiй. Два изъ нихъ исполнены съ готовностью, послѣ чего Начикетасъ говоритъ:

— „Сомнѣнiе о человѣкѣ, который выдѣлился изъ самого себя (умеръ); нѣтъ, говорятъ нѣкоторые; его больше нѣтъ, говорятъ другiе. Знанiе этого, преподанное тобой,— вотъ мое третье желанiе.

— „Даже сами боги сомнѣвались прежде объ этомъ; трудно познаваемъ и уловимъ этотъ законъ. Выбери, Начикетасъ, другое желанiе. Не принуждай меня, но избавь отъ этого.

— „Даже боги, ты говоришь, сомнѣвались объ этомъ и не легко познать это, о Царь Смерть! И нѣтъ другого наставника равнаго тебѣ. Никакое другое желанiе не сравнится съ этимъ.

— „Выбери сыновей и внуковъ, которые будутъ жить цѣлый вѣкъ, много скота и слоновъ, и золота, и коней. Выбери великую сокровищницу мiра и живи столько осеней, сколько пожелаешь. Если пожелаешь, выбери богатство и долгiй вѣкъ. Будь могущественъ въ этомъ мiрѣ, о Начикетасъ; я дамъ тебѣ исполненiе всѣхъ твоихъ желанiй. Все, что трудно достижимо въ мiрѣ смертныхъ, проси всего

этого, сколько пожелаешь. Красавицы, съ колесницами и лотнями, — подобными имъ не дано обладать человѣку, — пусть онѣ служатъ тебѣ, онѣ мои дары. Но не спрашивай меня о смерти, Начикетасъ.

— „Завтра эти непостоянныя вещи завянутъ вмѣстѣ со свѣжестью, силъ смертнаго. Даже вся жизнь коротка. И колесницы, и пляски, и пѣсни во власти твоей. Не богатствомъ удовлетворяется человѣкъ. Можемъ ли мы желать богатства, разъ увидавъ тебя? Можемъ ли мы желать жизни, пока ты господинъ? Мое желаніе—то, что я уже выбрала... То, въ чемъ сомнѣваются, о Царь Смерть, то Великое, которое находится по ту сторону, скажи мнѣ о немъ. Кромѣ желанія, проникающаго тайну, Начикетасъ не согласенъ выбрать никакого другого“.

На этомъ кончается первая часть Катха-Упанишады. Вопросъ поставленъ. Человѣкъ дожилъ до отрицательнаго отношенія къ благамъ житейскимъ. Что ему колесницы, и злато, и красавицы, когда онъ знаетъ, что надо всѣмъ этимъ смерть—господинъ?! Жизнь можетъ ему улыбаться, суля удачу и радости. Но человѣкъ уже не хочетъ этихъ невѣрныхъ, шаткихъ, скоропреходящихъ радостей. Онъ увидѣлъ смерть. А „можемъ ли мы желать богатства, разъ увидавъ тебя“? Человѣкъ ищетъ болѣе твердой опоры. Ему не нужны радости житейскія,—ему нужны нравственные идеалы, переживающіе и жизнь, и смерть. И добивающемуся такъ настоятельно отвѣта Царь Смерть не смѣетъ отказать.

Вторая часть Катха-Упанишады содержитъ отвѣтъ его:

— „Лучше одно, милѣе другое. Они тянутъ человѣка въ разныя стороны. Хорошо тому, кто избралъ то, что лучше. Не достигнетъ тотъ цѣли, кто избралъ то, что милѣе. Но то, что лучше, и то, что милѣе, подходятъ къ человѣку; присмотрѣвшись къ нимъ, мудрый научается различать между ними. Мудрый беретъ то, что лучше, охотнѣе, чѣмъ то, что милѣе. Безумный беретъ то, что милѣе, благодаря своей алчности... Нѣкоторые, находясь въ круговоротѣ не-

вѣдѣнія, но будучи мудры въ глазахъ своихъ и почитая себя свѣдущими, спотыкаются, безумны, бредя позади, подобно слѣпцамъ, ведомымъ слѣпцами. Для безумнаго нѣтъ проблесковъ того Великаго, что по ту сторону. Вотъ это жизнь, нѣтъ иной жизни, думаетъ онъ — и снова и снова подпадаетъ подъ руку мою. Немногие могутъ услышать объ этомъ, и даже услышавъ, многие не поймутъ. Чудень преподающій это, благословень получающій; чудень познавшій, благословень пытающійся познать. Низшій человѣкъ не можетъ открыть этого, — оно должно быть познано долгимъ созерпаніемъ. Къ нему нѣтъ иного пути, кромѣ какъ черезъ *друго* (т.-е. черезъ высшаго, духовнаго человѣка) и не подлежитъ оно обсужденію разсудка. Постигненіе этого не можетъ быть достигнуто черезъ пренія, но здравому разуму оно дороже всего, открытое *друмиъ* (т.-е. здравый разумъ) можетъ быть участникомъ жизни духовной только черезъ наитіе того же высшаго, духовнаго человѣка). Ты достигъ этого, потому что ты устойчивъ въ истинѣ, и вопрошатель, подобный тебѣ, Начикетасъ, дорогъ намъ... То, что ты не можешь счесть ни закономъ, ни беззаконіемъ; то, что ни повелѣно, ни запрещено; то, у чего нѣтъ ни прошлаго, ни будущаго, — объ этомъ ты можешь сказать, что вотъ это оно и есть. Мѣсто успокоенія, обѣщанное всѣми Ведами и избличаемое каждымъ дѣйствіемъ усердія, съ цѣлью найти которое люди отдають себя на служеніе Вѣчному, — объ этомъ мѣстѣ успокоенія я кратко скажу тебѣ. Оно есть неизмѣнный Предвѣчный, оно есть неизмѣнный Всевышній. Разъ познавъ это Неизмѣнное, человѣкъ получаетъ все, чего бы ни пожелалъ. Это — превосходная опора, опора всего; зная эту опору, могучъ человѣкъ въ мірѣ Вѣчнаго. Познаватель (т.-е. высшее божественное начало въ человѣкѣ) никогда не раждается и никогда не умираетъ; никто не можетъ знать, откуда онъ, и ничто никогда не становилось имъ. Нерожденный, вѣчный, незапамятный, онъ не сраженъ, когда сражено тѣло. Если убійца думаетъ сразить его, если убитый думаетъ, что онъ сраженъ, — ни

одинъ изъ нихъ не понимаетъ его. Онъ не убиваетъ и не бываетъ убитъ. Меньше малаго, больше великаго—это Сущность, кроющаяся въ сердцѣ человѣка. Появъ великую правительницу Сущность, которая безплотна во плоти, устойчива въ неустойчивомъ, мудрый человѣкъ не можетъ больше горевать. Этой сущности нельзя достигнуть ни многоглаголаніемъ, ни сноровкой, ни изученіемъ... Тотъ, кто не отсталъ отъ зла, кто не умиротворенъ, кто колеблется, чья чувствительность не спокойна, не можетъ достигнуть этого разумомъ. Жрецъ и Воинъ—пища его, его мвропомазаніе—Смерть. Кто знаетъ вѣрно, гдѣ оно?*

Символизмъ въ оборотахъ Катха-Упанишады такъ рѣдокъ и вообще языкъ ея такъ простъ, такъ современенъ, что даже и непривычному человѣку едва ли встрѣтятся какія-либо затрудненія въ ней, или, по крайней мѣрѣ, въ этой части ея.

Царь-Смерть далъ отвѣтъ смертному, которому постыла жизнь, со всѣми утѣхами ея: твердая опора, нравственный идеалъ, это—сознательное отреченіе отъ заботъ о своемъ личномъ благополучіи. Выборъ между тѣмъ, что лучше, и тѣмъ, что милѣе, равносильно совѣту шотландскаго идеалиста Томаса Карлэйля въ его „Sartor Resartus“—отказаться отъ счастья, чтобы найти блаженство.

Человѣкъ, знающій одну только матеріальную жизнь, по слѣпотѣ выбираетъ „то, что милѣе“ и „не достигаетъ дѣли“, такъ какъ, по самому существу своему, то, что милѣе, конечно и неминуемо должно подпасть подъ руку великаго Царя-Смерти, всѣ дары которой имѣютъ обыкновеніе рассыпаться прахомъ.

Но не достигнетъ дѣли и тотъ, кто выберетъ то, что лучше, въ надеждѣ на личную награду, потому что онъ „не умиротворенъ“ въ сердцѣ своемъ, или же изъ побужденій одного сентиментальнаго благочестія, потому что его „чувствительность не спокойна“. Всякій предметъ, къ которому примѣшаны личныя соображенія и выгоды, немедленно перестаетъ быть тѣмъ, что лучше, и становится тѣмъ, что милѣе.

„Познаватель“ или то, чему въ человѣкѣ предоставлено право свободнаго выбора, не рождается, не умираетъ: „ничто никогда не становилось имъ“, онъ не можетъ быть убитъ. Божественное начало безлично въ человѣкѣ, и благо одного человѣка неразрывно связано съ благомъ всего человѣческаго рода. Это и есть причина того, что—даже избравъ то, что лучше,—награду или „мѣсто успокоенія, обѣщанное всѣми Ведами“, получить не Начикетасъ и не отецъ его Ваджашраваса, а безличный, нерожденный „познаватель“, кроющійся въ сердцахъ ихъ. Они же сами будутъ участниками награды только въ той мѣрѣ, въ какой они познали „Сущность“ и отождествили съ ней свои временныя, скоропреходящія личности.

Кромѣ того, „Сущность“ эта выше условной человѣческой нравственности, выше законовъ, созданныхъ человекомъ на потребу свою. Она тоже выше временныхъ потребностей и подраздѣленій на прошлое, настоящее и будущее. У нея можетъ быть только одно вѣчное настоящее. Или же—словами Упанишадъ: „то, чего ты не можешь счесть ни закономъ, ни беззаконіемъ; то, что ни повелѣно, ни запрещено, то, у чего нѣтъ ни прошлаго, ни будущаго, — объ этомъ ты можешь сказать, что вотъ это оно и есть“.

„Сущности нельзя достигнуть ни многоглаголаніемъ, ни сноровкой, ни изученіемъ“, потому что и многоглаголаніе, и сноровка, и изученіе подлежатъ разуму, а духъ постигается только духомъ же. Но опять-таки не довольно одного только духовнаго созерцанія. „Жрецъ и Воинъ—пища ея, ея мвропомазаніе—Смерть“. Для достиженія конечной цѣли нужна жизнь мистическаго созерцанія (жрецъ), но нужна и внѣшняя дѣятельность (воинъ). Нужно также и мвропомазаніе Смерти, т.-е. нужна жизнь, со всѣми ея ошибками, привязанностями, разочарованіями и потерями, такъ какъ для Упанишадъ земная жизнь и смерть синонимы, а „пищей“ онѣ часто называютъ жизненный опытъ, который научаетъ „познавателя“ выбирать.

Въ послѣднемъ восклицаніи этой части Катха-Упанишадъ

такъ и сказывается тоска даже великой и чистой души о своей ограниченности и беспомощности. Все-то мы, кажется, разрѣшили и распредѣлили, обо всемъ наговорились; а все-таки въ концѣ концовъ кто можетъ сказать, „кто знаетъ вѣрно, гдѣ оно?“

Въ слѣдующей главѣ Катха-Упанишады идетъ сравненіе между мудрымъ и безумнымъ, между тѣмъ, который выбираетъ то, что лучше, и тѣмъ, который по слѣпотѣ предпочитаетъ то, что мнѣе. Дается и совѣтъ, какъ достигнуть пути къ правильному выбору, тайна котораго заключается въ полной власти надъ собой, во вполнѣ безстрашномъ и безличномъ отношеніи къ себѣ самому, т.-е. въ полной зависимости человѣка вѣшняго отъ человѣка внутренняго. Господину колесницы должно повиноваться все—и возница, и бразды, и кони; иначе непокорные кони понесутъ, бразды порвутся и погибнетъ нерадивый возница.

Читателю слѣдуетъ помнить, что иносказательная „пещера“ или рай, о которой упоминаетъ первый стихъ третьей части Катха-Упанишады,—совсѣмъ не то, что Мокша или болѣе извѣстная въ Европѣ Нирвана. Изъ Нирваны нѣтъ возврата къ земнымъ сущеніямъ,—попавшіе туда покончили съ земнымъ опытомъ; но въ „пещерѣ“ человѣкъ, или, вѣрнѣе, „тройственный огонь Начикетаса“ (сущность, душа, чувствительность), хотя и остается „долгіе вѣка“, но все же не вѣчность. Рай—не болѣе какъ продолжительный, сладостный сонъ, по понятіямъ Упанишадъ. Это сонъ, послѣ котораго человѣческая монада должна снова вернуться къ земному опыту, за жатвою горя и радости, грѣха и праведности, изъ пламени которыхъ, подобно фениксу, возродится будущій совершенный человѣкъ, неизмѣнная природа котораго—„бытіе, сознание, блаженство“.

Это приводитъ насъ къ шекотливому вопросу о перевоплощеніи души человѣческой, который составляетъ вѣковѣчный камень преткновенія всѣхъ безчисленныхъ религій и сектъ, берушихъ начало свое въ Упанишадѣхъ. „Тройственный огонь Начикетаса“, составляющій безсмертную

часть существа человѣческаго, отъ времени до времени возвращается къ жизненному опыту; но это возвращеніе Упанишадъ едва-ли понимали какъ такъ называемую „метемпсихозу“ египтянъ и навѣрное не такъ, какъ пресловутую „реинкарнацію“ современныхъ намъ спиритовъ.

Упанишадъ и безчисленные на нихъ комментаріи переполнены этою доктриной, но о ней говорится намеками, сравненіями, символами. Самый внимательный читатель едва-ли найдетъ во всей этой большой литературѣ хотя бы одно несомнѣнное, догматическое заявленіе или опредѣленіе по этому вопросу. Перевоплощающаяся монада подобна рыбѣ, плывущей то по одной сторонѣ рѣки, то по другой; жизнь „тройственного огня“ подобна суткамъ, съ ихъ правильной смѣною дня и ночи, и т. д. Такого рода сравненій сколько угодно, но ничего точнаго, ничего такого, чего каждый человѣкъ не могъ бы перетолковать по своему, въ нихъ нѣтъ.

Одно только достовѣрно,—что рай, адъ (міръ грѣха) и земля (міръ человѣка) не суть мѣста, а только духовныя состоянія, въ которыхъ человѣкъ можетъ перебивать, сидя все на томъ же стулѣ, такъ сказать; такъ, и реинкарнація Упанишадъ не есть физическій, грубый процессъ, а скорѣе результатъ неумолимой фантазмагоріи, заставляющей человѣка метаться, словно бѣлка въ колесѣ, по заколдованному кругу рожденія и смерти до тѣхъ самыхъ поръ, пока онъ не найдетъ въ себѣ силы стряхнуть этотъ самообманъ и кинуться по безконечной касательной свободнымъ человѣкомъ въ свободную вѣчность.

Вѣчный человѣкъ есть предметъ наблюденія—такъ же, какъ и весь остальной внѣшній міръ, но наблюдатель, мѣняющій духовныя состоянія, находящійся то въ міръ грѣха, то въ чистомъ міръ, и есть тотъ „познаватель“, та нерожденная сущность, о которой секта Ведантистовъ говоритъ: „Во всемъ міръ нѣтъ ничего, кромѣ Сущности, но взявъ всѣ составныя части міра и сложивъ ихъ вмѣстѣ, нельзя получить Сущности“.

Рейнкарнація есть искаженное понятіе о томъ основномъ законѣ мірозданія, который Шопенгауэръ пытался выразить въ своемъ основномъ положеніи: „жизнь нельзя отнять у воли, настоящаго нельзя отнять у жизни“. Извѣстный знатокъ Веданты профессоръ Пауль Дейссенъ изъ Кюля находитъ, что, еслибы въ этой фразѣ вмѣсто знаменитой шопенгауэровской „воли“ поставить ведантистскую „сущность“, то не вышло бы ни малѣйшей натяжки, и кромѣ того, въ такой редакціи ни одна Упанишада не отказалась бы отъ изреченія европейскаго философа.

Во всемъ остальномъ, за исключеніемъ нѣкоторой обычной Упанишадамъ символики, эта часть Катха-Упанишадъ такъ ясна, что не нуждается въ дальнѣйшихъ комментаріяхъ.

Царь-Смерть продолжаетъ свои поученія:

— „Познавшіе Вѣчное провозглашаютъ о томъ, что Тѣнь и Свѣтъ (душа и одухотворяющей ее духъ) проникаютъ въ Пещеру (рай) и пьютъ воду (наслаждаются блаженствомъ) долгіе вѣка. Они же провозглашаютъ о пяти огняхъ (жизненныхъ функціяхъ, о которыхъ будетъ подробно сказано ниже, въ Мандукіи-Упанишадѣ) и о тройственномъ огнѣ Начикетаса. Что такое мостъ жертвоприносителей (т.-е. начало, соединяющее внѣшняго человѣка съ человѣкомъ внутреннимъ: внутренній голосъ совѣсти), безсмертнѣй, вѣчный, великій, а также что такое вѣрная пристань желющихъ перейти на другую сторону, — да услышитъ Начикетасъ теперь отъ насъ. Познай, что Сущность—господинъ колесницы, Тѣло же—воистину колесница; познай, что Душа—возница, а Чувствительность—бразды его. Также сказано, что способности тѣлесныя—кони, а внѣшній міръ—ихъ путь. Когда Сущность, тѣлесныя способности и чувствительность объединены, тогда получается польза (т.-е. когда внѣшній человѣкъ—въ полной зависимости отъ внутренняго, когда внутренній голосъ совѣсти не заглушенъ и человѣкъ владѣетъ собою). Такъ говорятъ мудрые. Но для безумныхъ, чувствительность которыхъ не объеди-

нена съ Сущностью, ихъ способности тѣлесныя — все равно что непокорные кони для возницы. Для того, кто мудръ, чья чувствительность во власти Сущности, способности его тѣла — все равно что послушные кони для возницы. Но тотъ, кто не мудръ, чья чувствительность не объединена съ Сущностью, кто нечистъ сердцемъ, тотъ не достигнетъ мѣста успокоенія, но вернется въ миръ рожденія и смерти. Тотъ, кто мудръ, чья чувствительность соединена съ Сущностью, кто чистъ сердцемъ, достигнетъ мѣста успокоенія, откуда ему не будетъ больше возврата къ новому роженію. Но человекъ, въ которомъ Душа, какъ возница, крѣпко держитъ чувствительность, какъ бразды, воистину достигнетъ конца пути, — мѣста, гдѣ почиваетъ зарождающаяся Сила. Побужденія выше тѣлесныхъ способностей, чувствительность выше побужденій, душа выше чувствительности, выше души Сущность великая. Выше ея, великой, — то, что еще не проявлено; выше не явленнаго — Духъ. Выше Духа нѣтъ ничего, ибо онъ и опора, и путь. Скрытая Сущность не свѣтится во всѣхъ сущихъ, но можетъ быть усмотрѣна проникательнымъ и тонкимъ умомъ человекъ съ утонченнымъ зрѣніемъ. Да сдержитъ мудрый голосъ свой (творческую силу) и чувствительность; да заключитъ онъ ихъ въ Сущности, которая есть Мудрость; да заключитъ онъ Мудрость въ Сущности, которая есть Величіе; а Величіе да заключитъ онъ въ Сущности, которая есть Миръ (т.-е. опять-таки Сознаніе, Бытіе и Блаженство комментатора Шанкара-ачарин). Возстань! Проснись! И получивъ твои желанія, пойми ихъ. Мудрые говорятъ, что идти по этому пути такъ же трудно, какъ по острой сторонѣ бритвы“.

Здѣсь, по смыслу, кончается монологъ Царя-Смерти и продолжается собственно повѣствованіе.

„Онъ освобождается отъ рукъ Смерти, получивъ прочный даръ, который превыше великаго, который не имѣетъ ни звука, ни ощущенія, ни формы, ни перемѣны, ни вкуса, ни запаха, но вѣченъ, безначаленъ, безконеченъ“.

Таково древнее ученіе Начикетаса, преподаваемое Смертью.

„Мудрый становится могучъ въ мірѣ вѣчномъ, говоря о немъ или прислушиваясь къ нему“.

„Если, будучи чистъ сердцемъ, человѣкъ дастъ эту высочайшую тайну во услышаніе, въ собраніи ли ищущихъ Вѣчнаго, или же во время единенія съ тѣми, которыхъ ужь нѣтъ въ этомъ мірѣ, то работа его будетъ для вѣчности.... она будетъ для вѣчности“.

III.

Понятія о происхожденіи міра.

Отрывки изъ Прашна-Упанишадъ.

Предметъ этой главы захватываетъ такъ широко, что матеріалъ для нея слѣдовало бы искать во всѣхъ двѣнадцати каноническихъ Упанишадъ, а также и въ безчисленныхъ апокрифахъ. Но прямые отвѣты на прямые вопросы о происхожденіи міра, о макрокозмѣ и микрокозмѣ, т-е. все ученіе о космогоніи, космосѣ и человѣкѣ, заключается именно въ Прашна-Упанишадѣ, которую въ переводѣ слѣдовало бы назвать Упанишадой Вопросовъ.

По отдаленности ли эпохи, когда эта Упанишадъ была составлена, или же просто потому, что, по слабости человѣческаго постиженія и недостаточности языка, „немногіе могутъ услышать объ этомъ и, даже услышавъ, многіе не поймутъ“,—но только языкъ этой Упанишадъ кажется особенно иносказательнымъ и запутаннымъ, вслѣдствіе чего мы и должны просить помощи читателя еще усерднѣе, чѣмъ въ предыдущей главѣ.

Нѣсколько юношей, въ поискахъ за Предвѣчнымъ, посылаютъ мудреца учителя, старца Пиппаладу, „неся въ рукахъ своихъ готовую лучину“, что на своеобразномъ языкѣ Упанишадъ означаетъ ихъ полную зрѣлость для окончательнаго просвѣщенія. Тѣмъ не менѣе, учитель Пиппалада велитъ имъ подождать еще годъ, послѣ чего обѣщаетъ отвѣтить имъ на всѣ ихъ вопросы, „если знаетъ ихъ самъ“.

По прошествіи года, первый юноша спрашиваетъ:

— „Учитель, какъ создались всѣ эти существа?“

И онъ отвѣтилъ ему:

— „Господинъ всего живого, желая создать, углубился въ усердныя размышленія. А углубившись въ усердныя размышленія, онъ создалъ двойню. Это были Тѣло и Жизнь. Эти двое пороятъ для меня множество существъ,—думалъ онъ:—Солнце—жизнь, Мѣсяцъ—тѣло. Все имѣющее форму есть тѣло, все безформенное—жизнь. Ибо форма есть тѣло... Коловращающійся годъ есть господинъ всего живого, его пути—Югъ и Сѣверъ. Итакъ, полагающіе благочестіе въ омовеніяхъ и жертвахъ, наслѣдуютъ міръ мѣсяца. Воистину они снова вернутся въ земной міръ..... Но путемъ сѣвера, усердіемъ, служеніемъ Вѣчному и знаніемъ, ища Сущности, другіе наслѣдуютъ Солнцу. Ибо оно есть отечество жизней, безсмертный, безстрашный, выпрєнный путь. Оттуда они не возвращаются больше въ этотъ міръ. Оно есть окончательная дѣль..... Тѣмъ, воистину, принадлежитъ вѣчный міръ, въ комъ есть усердіе и служеніе Предвѣчному, въ комъ истина стоитъ незаблємо. Имъ, воистину, принадлежитъ этотъ безстрастный вѣчный міръ, но не тѣмъ, въ которыхъ есть кривизна, неправда, самообманъ“.

Отвѣтъ Пиппалады состоитъ собственно изъ двухъ частей: въ началѣ онъ говоритъ о происхожденіи вселенной, вслѣдъ за чѣмъ сейчасъ же переходитъ къ параллели, или сравненію съ міромъ, въ которомъ вращается нравственная жизнь человѣка. Солнце и мѣсяцъ взяты символами и въ той, и другой части, долженствуя изображать начало активное и пассивное, принципъ мужской и женскій, вдохновляющую жизнь и форму, въ которой она отражается.

Нѣсколько попривыкнувъ къ символизму Упанишадъ, человѣкъ перестаетъ смущаться имъ и даже начинаетъ находить, что онъ совершенно умѣстенъ и рационаленъ. „Солнце“ и „Мѣсяцъ“ Упанишадъ Вопросовъ потеряютъ видъ случайности и несообразности, лишь только человѣкъ вспомнитъ, что и въ видимой части вселенной солнце даетъ жизнь, силу, импульсъ, волю; мѣсяцъ же только отражаетъ его

жизнь, его свѣтъ, самъ по себѣ не имѣя ни свѣта, ни жизни. Но за то тотъ же мѣсяцъ служить мѣриломъ человѣческаго времени, т. е. даетъ форму. На языкъ же Упанишадъ все это сказано гораздо короче: „Солнце—жизнь; Мѣсяцъ—тѣло“.

Итакъ, вначалѣ былъ нераздѣльный, единый, не явленный „господинъ всего живого“, понятие о которомъ такъ неопредѣленно въ Упанишадѣхъ, что онъ придется по мѣркѣ „Непостижимаго“ материалистической философіи (*The unknowable* Герберта Спенсера), а также и по мѣркѣ личнаго первоначальнаго божества какой угодно антропоморфической религии. Этотъ „единый“ не могъ проявиться иначе, какъ раздѣлившись самъ въ себѣ. Въ результатъ создались „Тѣло и Жизнь“. Этой двойственностью мірозданія исчерпывается вся космогонія Упанишадъ. Солнце и мѣсяцъ—только символы. Но подъ ними кроется цѣлая богословская наука Индіи о Брамѣ—Созидателѣ (Брахма отъ санскритскаго корня *brh*—распространяться) и его женской половинѣ Вачъ, означающей „Слово“, идеальный прототипъ всякой формы. Въ другихъ словахъ, это тѣ же „Wille“ и „Vorstellung“ Шопенгауера (воля и представление), или же, если хотите, „Kraft und Stoff“ Бюхнера, дальше которыхъ, въ сущности, не пошла пока даже сама нѣмецкая философія—ни идеалистическаго, ни реалистическаго направленія. Вотъ все, что старецъ Пиппалада зналъ о мірозданіи.

Но этотъ самый вопросъ имѣетъ еще и другую сторону, ибо Упанишады не умѣютъ отдѣлять макрокозмъ—вселенную—отъ микрокозма—человѣка. Въ нравственномъ бытіи человѣка есть тоже свои „солнце и мѣсяцъ“, вдохновеніе и ритуализмъ, усердіе и правильно соблюденныя омовенія, знаніе и роскошныя жертвоприношенія... въ надеждѣ на милость боговъ. Другими словами, въ каждомъ человѣкѣ находится и вдохновенный пророкъ, и сытый жрецъ, живущій на счетъ своей паствы, хитроумный и лѣнивый.

Въ этой части отвѣта Пиппалады символы солнца и мѣсяца часто замѣняются символами Сѣвера и Юга. Для со-

ставителей Упанишадъ, людей, очевидно, жившихъ на нашей сѣверной сторонѣ экватора, такая замѣна совершенно естественна, такъ какъ Солнце, находясь на сѣверѣ лѣтомъ, достигаетъ тогда самой высокой степени своей творческой силы.

У „коловращающагося года“, т. е. цикла человѣческой жизни, есть два пути: путь Сѣвера и путь Юга. Но не хорошо человѣку, избравшему путь Юга: этотъ путь милѣе, потому что легче, но въ немъ нѣтъ ни постоянной силы, ни постоянного свѣта. Онъ есть только отраженіе, только форма и тѣло истинной жизни, заключенной въ пути Сѣвера. Какой нибудь великій философъ, Сократъ или Кантъ, уже никакъ не можетъ вернуться къ тѣмъ условіямъ нравственнаго кругозора, въ которыхъ человѣкъ можетъ быть и ростовщикомъ, и пьяницей, и развратникомъ. Возвращеніе къ этому состоянію его мысли и чувства потеряно для него безъ возврата. Говоря словами Прашна-Упанишадъ, онъ достигъ „безсмертнаго, безстрашнаго, высшаго пути“, съ котораго нѣтъ болѣе возврата „въ этотъ міръ“, нѣтъ соприкосновенія съ грубыми формами земной жизни.

Но тѣ, въ которыхъ все еще есть „кризисна, неправда, самодобманъ“, идутъ „путемъ луны“, т. е. прибѣгаютъ къ формамъ внѣшняго благочестія, принимая ихъ за суть. Они могутъ найти полное, но временное довольство во временной же вѣрѣ въ собственную правоту, но все-таки они рабы, и „воистину они снова вернуться въ земной міръ“, пока не научатся всему, чему можетъ научить великій учитель—жизнь земная, которая для Упанишадъ только другое названіе для такого же великаго Царя-Смерти.

Идушіе путемъ Сѣвера освободятся, идушіе путемъ Луны еще долго будутъ вертѣться все на томъ жемѣстѣ, подобно бѣлкѣ въ колесѣ, имя которому „сансара“.

Если намъ позволено будетъ выразить наше собственное мнѣніе, то полъ періодическими возвращеніями человѣка къ земной жизни Упанишадъ подразумѣвали именно этотъ простой и естественный законъ въ нравственной жизни

человѣка,—по крайней мѣрѣ, гораздо болѣе, чѣмъ собственно физическое многократное перевоплощеніе каждой индивидуальной души.

Второй юноша спрашиваетъ:

— „Учитель, сколько свѣтозарныхъ поддерживаютъ живое? Которые изъ нихъ свѣтять ему? И который главный между ними?“

Ему онъ отвѣтилъ:

— „Свѣтозарны ээиръ, воздухъ, огонь, вода, земля, голосъ, мысль, зрѣніе, слухъ. Свѣтя, они говорятъ: мы поддерживаемъ живое, устанавливая его. Тогда Жизнь, главная между ними, сказала: не предавайтесь этому самообману; я, раздѣляясь сама въ себѣ на пять, поддерживаю живое, устанавливая его. Но остальные не повѣрили ей. Тогда Жизнь притворилась, что хочетъ подняться кверху; и когда она поднялась, поднялись и всѣ остальные; когда она вернулась, вернулись и всѣ остальные. Какъ пчелы слѣдуютъ за царицей медо-собирающей, когда она улетаетъ, и возвращаются, когда она прилетаетъ, такъ сдѣлали и голосъ, мысль, зрѣніе, слухъ.....

„Я, раздѣляясь сама въ себѣ на пять, поддерживаю живое“, сказала Жизнь. Въ этой короткой фразѣ заключается основаніе, на которомъ построена вся космическая философія Упанишадъ. Въ ней собственно двѣ основныя мысли:

- 1) единство,
- 2) раздѣльность.

Объ этомъ единствѣ древніе наставники человѣчества, мудрость которыхъ выразилась въ Упанишадѣхъ, говорили: „ты видишь предъ собою одно только вѣчное, ибо міръ содержитъ одно только вѣчное“. Но для великой, міровой, нераздѣльной Жизни пришло время быть проявленной, и немедленно вмѣсто единства получилась раздѣльность, вмѣсто великаго малое, вмѣсто мірового частное. Ступеньки, по которымъ спускалось непроявленное, чтобы проявить себя, много разъ упоминаются въ Упанишадѣхъ, сохраняя свои названія, хотя и мѣняя порядокъ. Эти ступеньки:

- 1) эфиръ,
- 2) воздухъ,
- 3) огонь,
- 4) вода и
- 5) земля.

Таковы пять элементовъ, составляющіе мірозданіе, по мнѣнію Упанишадъ. Но было бы большой ошибкой находить въ нихъ только буквальный смыслъ. Какъ понятіе о жизни заключаетъ въ себѣ понятіе о смерти, дѣлая ихъ равносильными и равнозначущими въ глазахъ Упанишадъ, такъ и понятія объ эфирѣ, воздухѣ, огнѣ, водѣ и землѣ заключаютъ въ себѣ понятія о слухѣ, осязаніи, зрѣніи, вкусѣ, обоняніи. Пять великихъ элементовъ, въ которыхъ проявилось нераздѣльное, предвѣчное, равнозначущи въ Упанишадѣхъ съ пятью великими формами, черезъ посредство которыхъ человекъ входитъ въ сношенія съ этими пятью элементами. Для Упанишадъ сказать „слухъ“ было все равно что сказать „эфиръ“, сказать „вода“ все равно что сказать „вкусъ“, и наоборотъ, и т. д.

Но и это истолкованіе было бы слишкомъ узко, а потому и невѣрно. Эти же самые пять основныхъ элементовъ въ глазахъ ученаго индуса и по сей день имѣютъ также значеніе пяти великихъ состояній, которыя служатъ какъ бы выраженіемъ способностей или дѣятельности божественнаго, нераздѣльнаго, основного духа, пріобрѣтенныхъ имъ въ самомъ себѣ, лишь только онъ началъ искать выраженія и проявленія самому себѣ. Эти пять великихъ способностей: душа (или же постиженіе), разумъ, воображеніе, чувство своей личности, инстинктъ. И опять-таки, говоря „земля“, Упанишады подразумѣвали и „обоняніе“ (у собаки „нюхъ“), и „инстинктъ“ одинаково.

Эти же пять „свѣтозарныхъ“, въ которыхъ проявляетъ себя Жизнь, имѣютъ еще два рода параллельныхъ понятій, къ одному изъ которыхъ принадлежитъ понятіе „голосъ“, упоминаемое Упанишадой Вопросовъ. Но разработка этихъ параллелей заняла бы слишкомъ много времени и, кромѣ того,

пожалуй, завела бы насъ слишкомъ далеко въ область индусскаго схоластическаго хитроумія.

Во всякомъ случаѣ, прошу читателя обратить вниманіе на то, что старецъ Пиппалада намекаетъ на эти параллели два раза. Въ первомъ случаѣ онъ называетъ между „свѣтозарными“ элементы четырехъ параллелей: эфиръ, голосъ, мысль, слухъ. Мысль стоитъ здѣсь совершенно очевидно—какъ общая представительница категоріи постиженія, разума, воображенія, чувства своей личности и инстинкта, потому что, какъ было уже указано раньше, въ привычки составителей Упанишадъ не входило отдѣлять причину отъ послѣдствія. Во второмъ случаѣ Пиппалада упоминаетъ представителей только трехъ категорій: голосъ, мысль, слухъ. Но это вовсе не исключаетъ изъ его заявленія понятій объ эфирѣ, воздухѣ, огнѣ и проч. Это только значить, что во времена этого мудраго Пиппалады слова имѣли способность вызывать въ человѣкѣ болѣе разнообразныя и богатые родственные образы. Иначе намъ придется заключить, что сначала въ его баснѣ спорящихъ о первенствѣ было гораздо болѣе, чѣмъ подъ конецъ. А это было бы совершенно несообразно съ общею стройностью и законченностью Упанишадъ.

Вообще можно сказать, что во второмъ вопросѣ Прашна-Упанишадъ та же теорія космической эволюціи, что и вначалѣ, получаетъ свое дальнѣйшее развитіе.

Вначалѣ былъ только одинъ непроявленный „Господинъ всего живого“. Потомъ, стремясь создать, онъ раздѣлился на Жизнь, мужское начало, и Тѣло, начало женское. Вмѣстѣ они составляютъ несозданную троицу, входящую въ основу всего созданнаго.

Далѣе, Жизнь Созидающей Силы, распространяясь все дальше въ Словѣ, или Тѣлѣ, порождаетъ, наконецъ, проявленную часть мірозданія. Это распространеніе неизбежно ведетъ за собою представленіе о постепенно понижающихся областяхъ или ступенькахъ, ведущихъ отъ чисто духовнаго къ чисто тѣлесному.

И вотъ эти самыя области и выражены въ символахъ ээира, воздуха, огня, воды и земли.

Эти символы вмѣстѣ съ символами двойственности Созидательной Силы составляютъ уже семь аспектовъ космоса и человѣка. Но все-таки, усердно развивая теорію семеричности въ основаніи всего видимаго и невидимаго, Упанишады не желаютъ, чтобы поучаемый ими человѣкъ забылъ, что въ сущности эта кажущаяся семеричность составляетъ основную единицу, что разнообразіе формы все-таки облекаетъ собою одну нераздѣльную Жизнь. Много свѣтозарныхъ, поддерживающихъ живое, — учить Пиппалада, — но всѣ они не болѣе какъ единая Жизнь, раздѣлившаяся сама въ себѣ.

Еще много вопросовъ и затрудненій подобнаго же рода разрѣшаетъ премудрый Пиппалада. Его спрашиваютъ объ отношеніяхъ между объективнымъ и субъективнымъ, о состояніи человѣческаго сознанія во снѣ, о путяхъ къ окончательному освобожденію. Но символизмъ иныхъ изъ его отвѣтовъ такъ чуждъ даже самымъ необычнымъ оборотамъ европейской метафоры, въ другихъ же такъ сильно сказывается отпечатокъ чуждаго намъ метода мышленія, что и переводчикъ, и комментаторъ становятся втупикъ и предпочитаютъ обходить стороной, а то такъ даже и пропускать досадныя строфы текста.

Одно только можно сказать навѣрное: чѣмъ больше человѣкъ вдумывается и всматривается въ Упанишады, тѣмъ увѣреннѣе становится онъ, что ученіе ихъ гораздо яснѣе, точнѣе, опредѣленнѣе, чѣмъ кажется новичку. Всѣ ихъ разнообразныя части находятся въ полнѣйшемъ соотвѣтствіи другъ съ другомъ; каждая изъ нихъ служитъ дополненіемъ и объясненіемъ всѣхъ остальныхъ. У каждой изъ нихъ своя особая тема, есть разница даже въ отношеніи къ предмету, въ изложеніи, въ символизмѣ. Но совершенно опредѣленное, рѣзко характерное единство мысли проходитъ черезъ всѣ Упанишады, какъ нить сквозь ожерелье.

Какъ уже сказано выше, это основное единство мысли

въ Упанишадахъ выражается одною коротенькою санскритскою фразой— „татъ твамъ аси“ (буквально: то ты еси). Божественность и безсмертіе Высшаго Человѣка, какъ фактъ существовавшей отъ начала началъ,— одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ ученія ихъ. Вся цѣль ученія указать человѣку путь, избравъ который личность, земная и недолговѣчная часть человѣка, можетъ снискать безсмертіе и отождествленіе съ божествомъ. Путь этотъ— постепенное, неуклонное стремленіе личности къ объединенію съ ея Высшимъ Человѣкомъ, который никогда и не терялъ ни божественности, ни безсмертія.

Человѣкъ какъ бы стоитъ посрединѣ. Съ одной стороны у него божество, съ другой—животное. Отъ него зависитъ подняться до одного или опуститься до другого, ибо Высшій Человѣкъ обладаетъ тройственнымъ началомъ, и одно изъ этихъ началъ— „познаватель“, который научается выбирать. Познаватель этотъ въ иныхъ словахъ можетъ быть обозначенъ какъ стремленіе личности къ объединенію съ безличною, блаженною, вѣчною Сущностью. Короче, Упанишады не поняли бы выраженія „человѣкъ, спасающій свою душу“. По ихъ понятіямъ, душа спасена отъ начала вѣковъ, лишь бы человѣкъ-животное не мѣшало ей спасти его самого.

По своему обыкновенію переходить постоянно отъ макрокосма къ микрокосму, проводя параллели между ними, Упанишада Вопросовъ изобилуетъ отдѣльными короткими предложеніями, въ которыхъ выражается именно эта мысль подъ разными формами и которыя уже много вѣковъ сдѣлались пословицами во всей грамотной Индіи.

Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

„Жизнь рождается отъ Сущности и, какъ тѣнь за человѣкомъ, слѣдуетъ за Сущностью“, т.-е. на языкѣ современной философіи, „Жизнь нельзя отнять у воли, настоящее нельзя отнять у Жизни“.

„Жизнь входитъ въ тѣло силою помысла“, т.-е. видимый міръ есть не болѣе какъ результатъ представленія, неотъемлемой способности воли, по выраженію Шопенгау-

эра, или, по выраженію Фихте: „когда я открываю глаза, я создаю міръ“.

„Воистину, какъ монархъ, приказывающій своимъ намѣстникамъ: правь этими деревнями и тѣми деревнями, такъ и Жизнь, раздѣлившись сама въ себѣ, управляетъ меньшими жизнями, распредѣляя ихъ“.

„Чистые поступки ведутъ въ чистый міръ; грѣхъ ведетъ въ міръ грѣха; то и другое вмѣстѣ ведетъ въ міръ человѣка“.

„Душа есть жертвоприноситель; плоды жертвы—высокія стремленія: высокія стремленія ведутъ жертвоприносителя день за днемъ къ Вѣчному“.

„Быстро текушія рѣки, стремящіяся къ океану, находятъ покой, достигнувъ океана; ихъ имена и самый образъ ихъ потеряны въ океанѣ, говорятъ люди. Такъ и шестнадцать составныхъ частей Всевидящаго (т.-е. Высшаго Человѣка), стремясь къ Духу и достигнувъ его, находятъ покой; ихъ названія и формы ихъ потеряны въ Духѣ, говорятъ люди“. Это сравненіе рѣки съ личностью и духа съ океаномъ напоминаетъ знаменитую священную формулу буддизма: „омъ мани падме хумъ“, въ которой божественное начало отдѣльной личности уподобляется каплѣ росы, а видимый міръ—лепестку лотоса, мѣшающему росинкѣ кануть въ материнское лоно озера, которое и есть совокупность не проявленнаго еще божества, покоющагося въ безмятежномъ безстрастіи.

„Итакъ. Духъ нераздѣленъ и безсмертенъ“.

„Разъ, что вы познали Высшій Духъ, на который опираются всѣ составныя части, какъ спицы на ось, да не устратить васъ смерть“.

IV.

Психологія.

Отрывки изъ Мандукіи-Упанишады.

„Омъ, не имѣющій перемѣны, есть Все. Распространяясь, онъ даетъ то, что было, то, что есть, то, что будетъ. Это все Омъ. То, что выше трехъ временъ, есть тоже

Омъ. Ибо все это есть Предвѣчное. Предвѣчное все равно, что Сущность. Сущность состоитъ изъ четырехъ степеней.

„Ежедневная жизнь; познание внѣшнимъ образомъ; разложимость на семь составныхъ частей; наслаждение грубыми вещами черезъ посредство девятнадцати ртовъ, человѣческой огонь: это—первая степень.

„Жизнь грезъ; познание внутреннимъ образомъ; разложимость на семь составныхъ частей; наслаждение утонченными вещами черезъ посредство девятнадцати ртовъ; огонь лучейспускающій: это—вторая степень.

„Сонъ безъ грезъ, доступный человѣку только тогда, когда, достигнувъ успокоенія, онъ не желаетъ желаній и не видитъ сновъ; осуществленіе соединенія; непосредственное познание; блаженство, наслажденіе блаженствомъ черезъ посредство познания; огонь достиженія: это — третья степень. Она главенствуетъ надъ всѣмъ, все познаетъ; она есть внутренній наставникъ, чрево всего. изъ котораго исходить и въ которое снова возвращается все живое.

„Отсутствіе познания внѣшнимъ, внутреннимъ или двоякимъ образомъ; отсутствіе непосредственного познания; отсутствіе познания или непознания; невидимость; неосутимость; неуловимость; незамѣтность; невообразимость; неуказуемость; нахожденіе своего доказательства въ самой себѣ; исчезновеніе внѣшняго міра: покой: блаженство; недѣлимость: это считается четвертой степенью. Это есть Сущность...“

Мандукія самая короткая, но выстъ самая полная и точная изъ всѣхъ Упанишадъ. Вышеприведенный отрывокъ такъ богатъ содержаніемъ, что комментаріямъ на него буквально нѣтъ конца. О Мандукіи - Упанишадѣ писалъ еще учитель учителя знаменитаго Шри Шанкара-ачаріи, о ней же продолжаютъ писать и теперь, въ наши дни, въ Индіи, Европѣ и Америкѣ. Послѣдніе изъ извѣстныхъ намъ комментаріевъ изданы всего въ прошломъ году въ трехъ увѣ-

систыхъ томахъ, красующихся въ настоящую минуту передъ нами.

Стало бытъ, всѣмъ нашимъ усиліямъ не только не исчерпать, но даже не отиѣтитъ содержанія этой Упанишадъ. Въ перечень этотъ должны бы войти и отношенія между субъективнымъ и объективнымъ, и опредѣленіе божества, и постепенныя измѣненія въ духовномъ бытіи челоуѣка по мѣрѣ его приближенія къ идеалу, и цѣлая наука объ отпращиваніяхъ духовныхъ и психическихъ органовъ челоуѣка, и еще много такихъ хитросплетеній, которыя могутъ быть усмотрѣны въ этихъ коротенькихъ строкахъ только изощренною проникательностью хитроумнаго индуса. Однимъ словомъ, въ Мандукіи вся разработанная и сложная психологія Упанишадъ.

Отрывокъ начинается и кончается заявленіемъ о единствѣ Предвѣчнаго, который и есть Сущность всего и всѣхъ существъ. Въ одномъ этомъ незначительномъ на первый взглядъ обстоятельствѣ слѣдуетъ усматривать никакъ не случайность, а обдуманное и намѣренное указаніе на общій планъ эволюціи всего созданнаго. Предвѣчнымъ началось. Предвѣчнымъ и кончится. Божество выдѣлило изъ себя вселенную, Оно же и поглотитъ ее въ концѣ концовъ. Челоуѣкъ отдѣлился отъ Божества, упалъ, погрязъ въ самообманѣ и грѣхѣ, но ему предназначено подняться опять и такъ же постепенно, какъ при паденіи, вернуться къ Божеству.

Проходя циклъ бытія, Предвѣчное остается все тѣмъ же Предвѣчнымъ, но на разныхъ степеняхъ мѣняется способъ его самосознанія. Мандукія-Упанишадъ отмѣчаетъ три такихъ способа: Ежедневная жизнь, Жизнь Грезъ, Сонъ безъ грезъ. Вслѣдъ за послѣднимъ наступаетъ божественная Сущность, которую уже нельзя назвать ни сознаніемъ, ни жизнью, ни сномъ: ибо Предвѣчное, вернувшись въ самого себя, заключило въ себя всѣ три способа сознанія,—наблюдатель, наблюдение и наблюдаемое слились во едино. Это уже не подлежитъ постиженію челоуѣческому, и самыя рѣшительныя и точныя Упанишадъ выражаются объ этомъ

глухо, темно, нерѣшительно: это-де не есть четвертая степень, а *считается* четвертою степенью.

Но тутъ для знающихъ санскритскій языкъ мы должны сдѣлать оговорку. *Джагратъ, Свагна, Сущупти* и *Туриа* мы опредѣляемъ Ежедневной жизнью, Жизнью грезъ, Сномъ безъ грезъ и Бытіемъ Предвѣчнаго только потому, что не можемъ найти болѣе подходящихъ по смыслу русскихъ словъ.

Ежедневная жизнь есть жизнь всего земного. Грезы есть состояніе между земнымъ и безплотнымъ, но такимъ безплотнымъ, которое все еще можетъ быть порою совсѣмъ чувственно и очень низменно. Сонъ безъ грезъ есть отдыхъ, райское, очень продолжительное, но все же временное блаженство. Бытіе Предвѣчнаго безначально и безконечно; оно свободно отъ послѣдней тѣлѣ малѣйшаго самообмана.

Итакъ, по Упанипадамъ, Ежедневная жизнь есть самая низкая и самая внѣшняя изъ всѣхъ степеней сознанія, при которой Сущность находитъ себѣ оболочку и вмѣстѣ орудіе въ физическомъ тѣлѣ. Безконечное разнообразіе животной жизни, начиная съ самыхъ низменныхъ, почти еще растительныхъ формъ, вродѣ морскихъ анемонъ, и до самыхъ высшихъ, какъ слонъ, обезьяна и собственно физическій человекъ, въ Упанипадахъ считается за одно и то же. Это все земная, или же Ежедневная жизнь. Земная жизнь познаетъ „внѣшнимъ образомъ“: она способна воспринимать только „грубыя вещи, черезъ посредство девятнадцати ртовъ“, каналовъ или, быть можетъ, точнѣе—проводниковъ. Другими словами, физическое сознаніе можетъ входить въ сношенія съ внѣшнимъ міромъ девятнадцатью способами.

Шри Шанкара-ачарія и другіе Ведантисты опредѣляютъ эти девятнадцать способовъ слѣдующимъ образомъ: пять органовъ чувствованія, т.-е. органы: 1) слуха, 2) зрѣнія, 3) обонянія, 4) осязанія, 5) вкуса; затѣмъ пять органовъ дѣйствія, т.-е. органы: 6) голоса, 7) передвиженія дру-

гихъ предметовъ, 8) передвиженія собственнаго тѣла, 9) выдѣленія, 10) зарожденія; затѣмъ пять энергій или силъ, которыя дѣйствуютъ черезъ органы какъ чувствованія, такъ и дѣйствія, и которыми Прашна-Упанишада даетъ точныя опредѣленія, какъ-то: 11) жизненная сила, дѣйствующая сверху внизъ, 12) жизненная сила, дѣйствующая снизу вверхъ, 13) жизненная сила, дѣйствующая изнутри наружу, 14) жизненная сила, связующая предыдущія, 15) жизненная сила, распредѣляющая предыдущія; затѣмъ четыре умственные качества, доступныя животному міру, то-есть: 16) чувство собственной личности, или въ случаѣ жеротнаго—особи, 17) способность создавать образы и запоминать ихъ, 18, намѣреніе и вмѣстѣ колебаніе, 19) утвержденіе.

Таковы „девятнадцать ртовъ“ животной, Ежедневной Жизни.

Ежедневною жизнью живетъ невинный, а слѣдовательно и неотвѣтственный, неразумный человѣкъ-животное. Божественная Сущность, взявъ орудіемъ и покровомъ его тяжелое плотное тѣло, какъ бы добровольно поступаетъ въ школу къ неодушевленной природѣ, перенимая у нея всѣ свойства и качества, какія та можетъ ей дать. Человѣкъ уже и тутъ стоитъ лицомъ къ лицу съ Предвѣчнымъ, но совсѣмъ безсознательно. Видѣть его даже въ обманчивыхъ покровахъ горъ и морей, ясной погоды и бури человѣкъ, на этой степени своего развитія, еще совершенно не способенъ. Стало быть, ни о какихъ нравственныхъ идеалахъ еще и вопроса быть не можетъ. Невинный человѣкъ-животное живетъ безъ размысленій, умираетъ безъ сознательнаго страха. Сама по себѣ его жизнь прекрасна, полна и безгрѣшна. Оставаясь въ своихъ естественныхъ предѣлахъ, она не можетъ помѣщать пришествію болѣе высокой жизни, когда человѣкъ узнаетъ и мечты, и идеалы, и грѣхъ, и отвѣтственность.

Рано или поздно для человѣка долженъ наступить періодъ грезъ, золотыхъ и страшныхъ Сновъ. Пробуждающійся разумъ его стремится познать скрытый смыслъ морей и

звѣздъ небесныхъ, безоблачнаго неба и грозы; другими словами, человѣкъ пытается вспомнить Предвѣчнаго и ощутить его въ самомъ себѣ. Начинается настоящая человѣческая жизнь. Человѣкъ все еще продолжаетъ жить въ тѣлѣ, но его „девятнадцать ртовъ“ получаютъ способность поглощать утонченныя вещи. Сущность готова встрѣтить грядущую Жизнь грезъ въ обыкновенномъ тѣлѣ, приспособленномъ создавать и понимать грезы. У человѣка какъ бы появляется внутреннее тѣло, съ пятью органами чувствованія, пятью органами дѣйствія, пятью жизненными энергіями и четырьмя умственными качествами.

Тѣло Жизни грезъ создано по образу и подобию тѣла Ежедневной жизни, но оно, такъ сказать, настроено въ болѣе высокомъ ключѣ: у него является болѣе высокое поле дѣятельности. Этому тѣлу можетъ быть больно безъ ранъ и безъ сивяковъ. Его обладатель сталъ постоянно жить воображеніемъ и страхомъ, мыслью и чувствомъ. Религія и поэзія начинаютъ созидаться изъ символовъ, которые человѣкъ уже способенъ узрѣть въ громѣ и молніи непогоды, въ лучахъ солнца, играющихъ на волнахъ безконечнаго моря и въ загадочномъ мерцаніи звѣздъ.

Съ зачаломъ сознательной человѣческой жизни, въ мірѣ являются надежда и боязнь, любовь и ненависть, вожделѣнія и обманутыя ожиданія. А главное, является отвѣтственность, свободный выборъ между добромъ и зломъ, или, чтобы быть ближе къ Упанишадамъ, между тѣмъ, что лучше, и тѣмъ, что милѣе, такъ какъ Упанишады никогда не говорятъ о принципахъ абсолютнаго добра и абсолютнаго зла. Но разъ есть свободный выборъ, значить есть и грѣхъ, котораго не было въ безстрастномъ существованіи человѣка-животнаго, какъ не было въ ней рай, какъ не было и ада.

Для человѣка настала Жизнь грезъ, и отнынѣ одна греза повлечетъ за собой другую. Несбывшіяся надежды, неискупленный грѣхъ, самоотверженная любовь и лютая ненависть, все это дѣлается дѣйствительными силами въ Жизни

грезь, все получить способность порождать новыя грезы, или же, въ переводѣ съ языка Упанишадъ, — новыя чело-вѣческія жизни.

Наконецъ, извѣдавъ весь опытъ, доступный ему на этой степени его развитія, человѣкъ окончательно присмотрится къ тому, что лучше, и тому, что милѣе, и научится отличать ихъ безошибочно одно отъ другого. Человѣкъ пойметъ, что въ Жизни грезь все идетъ парами противоположностей (Бхагавадгита), какъ тепло и холодъ, боль и удовольствие и т. д. Иными словами, человѣкъ пойметъ, что въ этой жизни дѣйствуетъ неизбежный законъ равенства дѣйствія и противодѣйствія, и что поэтому нельзя притянуть къ себѣ одного конца веревки, не притянувъ и другого.

И вотъ, въ человѣкѣ явится новое стремленіе найти въ себѣ такую точку, въ которой нѣтъ дѣйствія и противодѣйствія, въ которой неумолимыя „пары противоположностей“ не существуютъ. На помощь этимъ-то поискамъ и придутъ нравственные идеалы, которые существовали во всей полнотѣ своей изъ поконъ вѣковъ, но которыхъ человѣкъ не умѣлъ ни подмѣтить, ни опредѣлить вполне сознательно. Создавъ себѣ нравственные идеалы, человѣкъ станетъ готовъ пойти навстрѣчу новой жизни, Жизни сна безъ грезы.

Дойдя до третьей стелени сознанія, мы невольно вспоминаемъ тотъ сонъ, о которомъ такъ гадательно сказано въ Апологіи Сократа: „...Если выбрать ночь, когда человѣкъ не видѣлъ никакихъ сновъ, и сравнить ее со всѣми остальными ночами и днями его жизни, и тогда спросить человѣка: сколько дней и ночей его жизни были лучше и счастливѣе, чѣмъ эта ночь,—то, я думаю, ему не трудно было бы ихъ сосчитать. И это было бы такъ не только для простаго человѣка, но даже и для самаго великаго царя. Если смерть подобна этому, она великое благо“.

Для Упанишадъ нѣтъ никакихъ „если“, никакихъ сомнѣній. Они свидѣтельствуютъ рѣшительно и безусловно, что когда человѣкъ „не желаетъ желаній и не видитъ сновъ“, для него настаетъ успокоеніе, Сонъ безъ грезы, блажен-

ство. Но это отнюдь не есть блаженство небытія, какъ принято въ Европѣ понимать *Нирвану*. Для Упанишадъ нѣтъ небытія; для нихъ все видимое и невидимое—Сущность, а стало быть, мощная безконечная жизнь. Сонъ безъ грёзъ и есть то блаженство, котораго достигаетъ человѣкъ, отказавшись отъ счастья, по словамъ историка и идеалиста Карлэйля. Это полная, сознательная жизнь индивидуальности, безъ малѣйшаго воспоминанія о личности („individuality“ и „personality“ по-англійски), безъ малѣйшей примѣси личныхъ, эгоистичныхъ желаній, заботъ и печалей. Это есть *себязабвеніе*, но не *самозабвеніе*, потому что для Упанишадъ *само-то* и есть самая Сущность человѣка, съ неизмѣнной природой ея, т.-е. „бытіемъ, сознаніемъ, блаженствомъ“.

На этой степени человѣку не нужны болѣе „девятнадцать ртовъ“ для вкушенія „грубой“ или „утонченной“ пищи. Ему не нужно больше тѣла видимаго или невидимаго. „Огонь постиженія“ замѣнилъ тусклый „человѣческій огонь“ и „огонь лучеиспускающій“. Ему не нужно органовъ чувствованія, не нужно пяти энергій, дѣйствующихъ черезъ нихъ, такъ какъ способности чувствованія слились во едино, сдѣлавшись „непосредственнымъ познаваніемъ“. Ему не нужно и органовъ дѣйствія, такъ какъ его стремленія дѣйствовать тоже упростились, вернувшись къ своему первоначальному источнику—безраздѣльной волѣ.

Но, несмотря на всю продолжительность этого блаженнаго состоянія, Упанишадъ не считаютъ, что, достигнувъ его, человѣкъ покончилъ всѣ счеты съ двумя предыдущими степенями сознанія. Какъ сказано въ Катха-Упанишадѣ, бессмертные принципы человѣка „проникають въ Пещеру и пьютъ воду *доміе вѣка*“; но долгіе вѣка—невѣчность, и отдыхъ этотъ, рано или поздно, долженъ нарушиться.

Шанкара-ачарія говоритъ, что въ этомъ состояніи единство нераздѣльнаго Предвѣчнаго и Сущности въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ скрыто отъ сознанія послѣднимъ тончайшимъ покровомъ, готовымъ исчезнуть, лишь только всѣ

дѣйствія и всѣ противодѣйствія сравниваются, лишь только за „тройственнымъ огнемъ“ человѣка не останется никакихъ недочетовъ. Но покровъ этотъ долженъ существовать до тѣхъ поръ, пока причина (тотъ или другой поступокъ человѣка) не окончила вызывать естественныя и неизбежныя послѣдствія. Шанкара-ачарія даже зоветъ его „покровомъ причинности“. До окончательнаго слиянія съ Предвѣчнымъ ни одна индивидуальная душа никогда, ни въ жизни, ни въ смерти, не можетъ стряхнуть съ себя путь этого послѣдняго покрыва.

По ученію Упанишадъ, каждый разъ, какъ душа готова вернуться къ Ежедневной жизни и Жизни грезъ за новымъ сборомъ плодовъ съ Древа познанія добра и зла, „покровъ причинности“ выдѣляетъ изъ себя тѣло грезъ и физическое тѣло именно въ той формѣ, въ какой душѣ удобнѣе собирать эти плоды. Въ этомъ и кроется корень разницы въ людскихъ здоровьяхъ, положеніяхъ и состояніяхъ. Отъ этого, въ этомъ своемъ фазисѣ, степень „Сонъ безъ грезъ“ и называется „чревомъ“ всего, изъ котораго исходитъ и въ которое снова возвращается все живое“.

Въ мірѣ „Сна безъ грезъ“ духовный человѣкъ ссуществитъ, наконецъ, полное обладаніе, которое окончательно замѣнитъ призрачную надежду *достигнуть* и земной страхъ *потерять*. Ведантисты учатъ, что вмѣсто любви съ ея страшной земною тѣнью—разлукой, въ этомъ состояніи—полное объединеніе. Не знающее разлуки, не смущаемое ея временемъ, ни пространствомъ.

Такова безмятежность Сна безъ грезъ, награды человѣка за всѣ, повидимому, ничѣмъ не заслуженныя страданія и горести, перенесенныя имъ въ двухъ предыдущихъ степеняхъ сознанія.

Вотъ три степени, въ которыхъ живетъ сознаніе Сущности, или, въ словахъ Мандукіи-Упанишадъ, „три измѣренія священнаго слова Омъ“.

Правда, Упанишадъ намекаютъ и на четвертую степень, синтезъ трехъ предыдущихъ, заключающій эссенцію всѣхъ

трехъ въ себѣ. Но эта четвертая степень не имѣетъ измѣренія, не имѣетъ даже названія. „Это считается четвертой степенью“, говоритъ Мандукія-Упанишада и несмысло пытается опредѣлить ее отрицаніемъ всѣхъ тѣхъ качествъ, которыя она съ увѣренностью находила въ первыхъ трехъ. Въ четвертой степени нѣтъ „познаванія“ и нѣтъ „непознаванія“. Качества ея—недѣлимость, невообразимость, неуловимость и т. д. Доказательство дѣйствительности ея существованія — въ ней самой: не достигнувъ ея, никто не можетъ имѣть никакихъ доказательствъ, ни даже предвкусеній. Положительнаго въ этой степени только блаженство и покой.

И эти блаженство и покой должны быть больше тѣхъ, которыхъ достигъ, въ Снѣ безъ грезъ, „не желающій желаній и не видящій сновъ“. Признакъ двухъ первыхъ степеней сознанія—„разложимость на семь составныхъ частей“. Въ третьей степени о ней уже больше не упоминается, и въ одномъ этомъ сказывается близость къ четвертой. Но все же между блаженствомъ Сна безъ грезъ и послѣдней безыменной степенью должна быть великая разница: Сонъ безъ грезъ даетъ „наслажденіе блаженствомъ“, но „черезъ посредство познаванія“, въ четвертой степени познающій и познаваемое, наслаждающійся и наслажденіе слились въ единое вѣчное цѣлое, такъ какъ недѣлимость—одинъ изъ ея великихъ признаковъ.

Составители Мандукія-Упанишады выразили въ ней свои вполне законченныя и обработанныя, хотя бы и неправильныя на европейскій взглядъ, воззрѣнія на психологію человѣка, на соотношенія его внутренняго и внѣшняго міра, со всѣми ихъ осложненіями и приспособленіями. Но конечный смыслъ этой Упанишады мы поймемъ, только принявъ во вниманіе, что для мудрецовъ этихъ, самыя имена которыхъ давно канули въ бездну безмолвной и безпросвѣтной древности, существовало три факта одинаково насущной важности: три степени сознанія суть три фазиса одной Сущности и ничѣмъ не отдѣлены другъ отъ друга; проблесками разной

яркости и продолжительности, на разныхъ глубинахъ чело-
вѣческаго бытія, всѣ три могутъ совершаться *единовре-*
менно; а главное — всѣ три не что иное, какъ три триум-
фальныя арки, по выраженію одного американскаго энту-
зіаста, на томъ пути, котораго не минуетъ ни одна отдѣль-
ная душа въ своемъ обратномъ шествіи къ единенію съ
Предвѣчнымъ.

Вѣра Джонстонъ.